

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

Выпуск 1 – 2017 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2017.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SFK117.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Амельченко С.Н. Ментальные ценности как ресурс развития российской культуры в эпоху постмодерна // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2017 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/08SFK117.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 130

Амельченко Светлана Николаевна

ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, Магнитогорск
Институт экономики и управления
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: sveta-amelchenko@yandex.ru

Ментальные ценности как ресурс развития российской культуры в эпоху постмодерна

Аннотация. Вхождение российской культуры в конце XX века в эпоху постмодерна совпало с ее переходом в постсоветскую стадию своего развития и сопровождалось девальвацией ранее сложившихся ценностей и ростом кризисных явлений. Условием восстановления российской культуры Ю.М. Лотман, И.В. Кондаков и др. считали перекодирование ее менталитета и взятие в качестве образца западной ментальной структуры. Между тем, реализация данного проекта способна нанести ущерб уникальности российской культуры, запустить механизмы ее примитивизации. Решению данной проблемы способствует детальное исследование структуры ментального кода российской культуры и возникающих в нем ценностей как ресурса ее дальнейшего успешного развития в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: российская культура; менталитет; ценности; культурный капитал; ресурс развития; постмодерн; глобализация

Вхождение российской культуры в эпоху постмодерна совпало с началом постсоветского этапа ее развития и сопровождалось ростом социальной напряженности, девальвацией ранее сложившихся ценностей и идеалов. Данная проблема обрела особую остроту в силу того, что рассматриваемые процессы развернулись в условиях глобализации, осуществление которой предполагает три варианта развития. Первый может быть связан с ростом тенденции к безраздельному доминированию западной трансатлантической культуры, стирающей уникальное своеобразие других культур. Вторым может стать самоизоляция культур, сопровождающаяся национализмом, фундаментализмом и ксенофобией. Наконец, третий вариант предполагает построение плюралистического мира и плодотворного диалога между культурами. Если первый путь ведет к унификации и обезличиванию мировой культуры, второй – несет опасность перманентной конфронтации, то третий – способствует раскрытию творческого потенциала культур, в панораме которых заметное место принадлежит российской культуре.

Поиск новых перспектив развития отечественной культуры напрямую связан с исследованием ее менталитета, выявлением его специфики и потенциала. Менталитет

является сложным соединением мыслей, верований, эмоций и воли, определяющим мироощущение, мировосприятие, культуротворческую практику человека и общества. Как заметил Н.М. Ракитянский, «менталитет есть возможность бытия в его своеобразии и уникальности» [9, с. 96]. Получая выражение в различных языковых, природных, религиозных, традиционных и иных маркерах, данный феномен создает основу идентификации субъектов культуры, выстраивает ее императивы и регуляторы, определяет, как пишут М.П. Меняева и В.С. Невелева, саму возможность ее воспроизводства [6, с. 32]. Формируя ценностную матрицу культуры, становясь ее смысловым кодом и источником самобытности, менталитет обеспечивает ее целостность на всех этапах исторического развития.

Между тем, специфика российского менталитета имеет неоднозначную трактовку. Традиция рассматривать его с критических позиций была заложена П.Я. Чаадаевым и получила дальнейшую разработку в трудах Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, а в последние два десятилетия – высказываниях Ю.М. Лотмана, И.В. Кондакова, А.А. Мяделец и мн. др. Согласно точке зрения последнего, российский менталитет блокирует развитие российского общества, поэтому следует принять на вооружение «установки западного либерализма», их «инструментальную направленность» [8, с. 12].

Несколько иначе, но в таком же направлении очертил свою позицию Ю.М. Лотман, который полагал, что специфика российского менталитета определяется его бинарной структурой, активизирующей действие антагонистических, разрушительных сил в отечественной культуре: «Сама идея терпимости чужда психологии бинаризма» [5, с. 36]. Он негативно оценил свойственное российскому менталитету стремление к высоким идеалам, усмотрев в этом источник неразрешимых противоречий, грозящих уничтожением отечественной культуры. Он доказывал необходимость трансформации бинарной ментальной структуры в трехчастную (тернарную), характеризующую модель развития западной культуры, для которой свойственны трезвый расчет, политическая стабильность, удовлетворение материальными ценностями: «Сейчас вопрос о переходе к общеевропейской тернарной структуре приобрел гамлетовский характер – “быть или не быть”» [5, с. 46].

Близиких взглядов придерживается И.В. Кондаков, который также исходит из бинарной структуры российского менталитета, запускающей, по его мнению, в отечественной культуре борьбу центробежных и центростремительных сил, механизмы интеграции и дифференциации, синтеза и селекции и пр. Кондаков также утверждает, что специфика российского менталитета служит воспроизводству антагонистических противоречий в культуре, и для стабилизации ее развития необходимо перекодирование бинарной структуры в тернарную, путем введения третьего компонента, роль которого, в его трактовке, может выполнить массовая развлекательная культура, которая и формирует «драматургию» русского постмодерна.

Кондаков пишет о том, что, если западный постмодерн стал результатом индивидуальных творческих поисков интеллектуалов, стремящихся переосмыслить застывшие ценности и нормы, стили и концепции в духе свободного самоопределения личности и культурного плюрализма в многомерной демократической культуре, то российский постмодерн порожден коллизиями посттоталитарного развития российско-советской культуры (столкновением неофициальной и официальной культуры, антитоталитарных и прототалитарных тенденций в культуре, обыденного сознания и идеологии, религии и атеизма, науки и псевдонаучных, спекулятивных теорий, искусства и кича), что придает ему несравненно более драматичный и переломно-кризисный характер.

Рассматривая способы предупреждения возможных социальных потрясений на новом витке отечественной истории, он высказывает предположение, что именно средний

компонент (медиатор) в зарождающейся тернарной ментальной структуре, хоть и разрушает исторически сложившиеся ценности и традиции, тем не менее, является спасительным фактором российской культуры в новых условиях ее развития. Он заявляет: «Засилие массовой стандартизированной и деидеологизированной культуры (развлекательных шоу, игровых программ, лотерей и т.п.) – все это создает атмосферу, уменьшающую опасность социокультурного *взрыва*, которым всегда была чревата русская культура с ее ярко выраженной *бинарной структурой* ("взаимопором" противоположных начал). Антиномия тоталитаризма и демократии размывается аморфной стихией "хеппенинга", и тот факт, что едва ли не треть общества (особенно среди молодежи) и поглощает эту специфическую "срединную культуру", выступающую в роли буфера между поляризованными тенденциями, обнадеживает» [4, с. 308].

Между тем, если «засилие массовой культуры» и «стихия хеппенинга» и снижает политическую активность россиян, то никак не обеспечивает сохранения уникальности отечественной культуры в условиях глобализации. *Величие и духовную мощь российской культуры всегда определяли не развлекательно-потребительские формы времяпрепровождения, навязываемые либеральной трансатлантической идеологией, а ее неустанное стремление к совершенству, умение следовать идеалам истины, добра и красоты, воплощать их в своей жизнедеятельности.*

Принцип бинаризма, на который ссылаются Лотман, Кондаков и др., является универсальным принципом развития вообще, безотносительно к его национальной реализации¹. Между тем, более детальное исследование структуры менталитета российской культуры и возникающих на его основе ценностей позволяет по-новому оценить ее возможности и перспективы.

Генезис ментальных оснований и ценностей российской культуры

В характеристике ментальной матрицы российской культуры принято апеллировать к ее территориальным параметрам. Так, вслед за многими российскими мыслителями (Н.А. Бердяевым, Г.Д. Гачевым и др.) на данную особенность обращает внимание А.В. Скоробогатко, который пишет: «Россия, с ее огромными пространствами, рождает тип сознания, которому созвучно стремление к бесконечному, вечному ... Его мышлению оказывается близки свойства и характеристики абсолютного идеала. Важно и то, что большая территория заставляет человека мыслить коллективистки, общественно» [10, с. 148].

В традиционном показе связи между пространством российской культуры и ее менталитетом принято указывать на ее расположение между Западом и Востоком, которое и запускает неустранимые и свойственные ей противоречия и конфликты. Между тем, пространственный фактор действительно дает ключ к пониманию генезиса российского менталитета, однако требует в своем анализе иного подхода.

Для того чтобы раскрыть генезис ментальных оснований культуры, необходимо понять, что их источником являются самые ранние переживания людей, их первичный опыт, позволивший им структурировать свое миропонимание, выявив в нем тот идейный стержень, который, становясь констатацией должного, делается основой духовной традиции, выступает

¹ Принцип бинаризма в полном мере проявился и в развитии западной культуры: противостоянии между республиканским и императорским Римом, восточным халифатом и европейскими крестоносцами, католиками и гугенотами, ересью и инквизицией, рабовладельческим Югом и капиталистическим Севером, лейбористами и консерваторами, демократами и республиканцами, Давосским форумом и антиглобалистами и пр.

условием преобладания различных ее составляющих, несущей конструкцией мировоззренческой парадигмы общества на всех этапах его развития.

Устойчивость ментальных оснований культуры обусловлена их укорененностью в недрах бессознательного и соединением с *бинарными оппозициями*, очерчивающими предельные основания бытия и базовые ориентации человека в мире. Такими возникающими в архетипах бинарными конструктами, выстраивающими картину мира и облекающимися в символы, стали в сознании древних славян образы *матери – земли* и *отца – неба*. Именно эти идеи сформировали ментальный код отечественной культуры в период ее зарождения, соединив ее с природным ландшафтом и определив ее изначальные базовые ценности, получившие выражение во всех сферах ее жизнедеятельности.

На следующем этапе развития отечественной культуры бинарная структура ее ментального кода претерпела значительные изменения и трансформировалась в *трехчастную* (тернарную) структуру. Однако это произошло не в последние годы, как полагает Кондаков, а в глубоком прошлом – в период усложнения духовного и социального пространства отечественной культуры, вызванного принятием христианства и образованием государственности. Модификацией архетипа отца – неба стал образ единого небесного *Бога*, сохранивший отеческую функцию и выстроивший представление об идеале. Идея Бога стала ментальной составляющей российской культуры, стержнем ее духовного пространства, очертившим ориентиры ее последующего развития. Произшедшие изменения не изъяли из мироощущения славян мистического отношения к земле, но сформировали у них представление о *Родине* как обустроенном, возделанном пространстве, обители русской культуры.

Переход в ментальном строе из бинарной структуры в тернарную сопровождается появлением медиатора – центрального компонента, несущего признаки противоположных начал бытия. В русском менталитете таким связующим стал образ *государственной власти*, наделенной полномочиями и сакральной силой *неба* и организующей уклад человеческой жизни на *земле*. *Уважение государственной власти, наряду с верой в Бога-отца и любовью к Родине – матери-земле и сформировала трехчастную структуру ментального кода отечественной культуры, определив ее базовые ценности и оказав влияние на ее дальнейшее развитие*. Эта трехчастная структура, совмещающая природные и социальные, небесные и земные, духовные и материальные, эмоциональные и рациональные, всеобщие и индивидуальные аспекты человеческого существования, *закрепилась в устойчивом развитии соответствующих концептуальных линий, которые из поколения в поколение встраивались друг в друга, обеспечивая целостность российской культуры на протяжении веков*.

В дальнейшем, в общественной дискуссии, развернувшейся в императорской России в XIX веке, данная матрица отечественной культуры была очерчена в суждениях С.С. Уварова – автора доктрины «православие – самодержавие – народность». Он говорил о ее составляющих как спасительных началах национального духа, способствующих процветанию России. В его трактовке в качестве высших ценностей были провозглашены *Бог, царь и Отечество*, которые стали модифицированным выражением ранее сложившегося ментального кода российской культуры.

В русской философии досоветского и затем эмигрантского периодов постижение ценностей, структурирующих ментальный код отечественной культуры, облеклось в цепочку понятий «софийность – соборность – всеединство».

Софийность, в трактовке С.Н. Булгакова и др., представлена как сакральное начало бытия, наполняющее идеалами истины, добра и красоты все сферы человеческой жизнедеятельности. В русском понимании софийность соединяла самые различные –

рациональные и эмоциональные, логические и интуитивные способы постижения мира и освоения действительности. Она также указывала на гуманное предназначение обретаемого знания, увязывая его с преодолением разобщенности и объединением народов.

Соборность, в передаче Н.А. Бердяева и др., становилась идеалом духовного и социально-политического единства, целью которого должно стать сбережение народа, разумных и нравственных устоев его жизнедеятельности. Соборность рассматривалась российскими философами как такая система отношений между людьми, которая призвана защитить свободу и достоинство человека, не нивелируя его личность, но блокируя проявления его эгоизма и индивидуализма. Соборность, в понимании Бердяева, является противоположностью сборности – такой иерархической системы, которая строится на принципах господства и подчинения.

Всеединство, в учении В.С. Соловьева и др., явилось выражением всеобъемлющей целостности, сутью божественного замысла и предназначением народов, преодолевающих вражду и претворяющих в своей жизнедеятельности принципы глубокого согласия и плодотворного сотрудничества. Развивая свою мысль, Соловьев говорил о том, что всеединство делает сопричастным полноте целого и отдельного индивида, и живущий через него род преемственных поколений, и образующийся в их совокупности народ. Смысл всеединства, в его понимании, раскрывается в такой деятельности, которая нацелена не на личное обогащение, а на приумножение общественного блага, проявляясь в способности русского народа любить другие народы земли.

Данные философские понятия высветили на уровне зрелой рефлексии структуру ментального кода российской культуры, увязав с софийностью духовные традиции православия, соборностью – идеал государственного устройства, всеединством – идею служения своему народу в деятельностном взаимодействии с другими народами.

Притом, что рассматриваемая парадигма вступала в противоречие с реальной действительностью, что стало причиной завершения данного исторического периода, она стала основой величия российской культуры, ее высочайших гуманных прозрений, определивших ее место в мировой истории.

Между тем, обозначенная выше трехчастная структура ментального кода российской культуры функционально возобновилась и на следующем этапе ее развития, обеспечив ее воспроизводство в изменившихся условиях. Целостность российской культуры, как доказывает И.В. Кондаков, объясняется тем, что каждая ее «последующая парадигма "наслаивается" на предыдущую, одновременно и продолжая, и преодолевая ее» [4, с. 320]. Основой этой целостности он считает устройство ее менталитета, новой модификацией которого стал *«российско-советский менталитет»* [4, с. 67]. Между тем, если в его трактовке таким объединяющим началом является воспроизводство антагонистической бинарной структуры рассматриваемого феномена, то в нашем понимании целостность российской культуры обусловлена тернарным строением ее менталитета. Его устройство, сложившееся в советский период, сомкнулось с его прежней конструкцией и облеклось в цепочку понятий «идейность – партийность – коллективизм».

Идейность, вытеснившая в данный исторический период религиозную составляющую отечественной культуры, также выразила извечное стремление российского общества к идеалу, которое проявилось в высоких духовных потребностях, реализованных в научных достижениях, художественных произведениях и т.д. Идейность этой поры несла в себе заряд веры в торжество общечеловеческих ценностей, но вступала в противоречие с идеологией как доктриной, провозглашающей неустранимое и приоритетное значение классово-борьбы.

Партийность стала той чертой российского самосознания, которая выстраивала идеализированный образ главы государства, веру в совершенную систему социально-политического регулирования человеческих отношений. Характеризуя строй и стиль советского мышления, партийность стала признаком социальной надежности, преданности интересам трудящихся. Отсутствие данной установки могло послужить поводом для преследований и репрессий.

Коллективизм как важнейший компонент советско-российского менталитета стал выражением самоотверженности создателей отечественной культуры данного периода, их умения аккумулировать энергию и волю в решении масштабных исторических задач. Данная ментальная черта позволила советскому обществу мобилизовывать национальные силы, отвечать на вызовы истории, осуществлять значительные проекты в процессах своего становления и развития. Между тем, классовая и идеологическая реализация данного ментального компонента могла приобретать формы тирании большинства.

Несмотря на то, что ментальная структура отечественной культуры советского периода формировалась в изменившихся исторических условиях, она сохранила свою преемственность с ее прежним строением. Так, коллективизм совместился с идеей всеединства, соединенной с любовью к Родине и матери-земле; партийность, став новым эталоном социально-политической организации и вертикали власти, оказалась сопоставимой со строем соборности; идейность по своему функциональному предназначению оказалась близка софийности и духовным традициям православия, неся веру в идеальное мироустройство.

В своей совокупности эти установки выстраивали представление об исторической миссии российско-советской культуры, призванной возвести некое идеальное царство и указывающей в него путь всему человечеству. Между тем, ставшая на исходе XX века очевидной утопичность данного проекта, противоречия между его содержанием и реализацией, разочарование в его идейной составляющей повлекли слом и других ранее устойчивых элементов отечественного менталитета – коллективизма, веры в правоту власти, реальные действия которой оборачивались идеологическим рабством, политическим террором, обслуживанием номенклатурных интересов.

Переход российской культуры в постсоветскую эпоху сопровождался крушением ее ментального кода и построением новых ценностных ориентаций, которые вели к вытеснению идейности культом потребления, партийности – граничащим с криминалом культом вседозволенности и обогащения, коллективизма – эгоцентризмом и групповым экстремизмом.

Деструктивные явления, произошедшие в данный период в ментальной матрице российской культуры, вторгли ее в состояние глубокого кризиса и очертили перспективу ее возможного распада. О возможности возникновения в ее лоне нового культурного образования говорит и Кондаков, однако он увязывает устойчивость ее дальнейшего развития, как было выше сказано, с индустрией развлечений. Между тем, данный проект способен окончательно стереть уникальные черты российской культуры, лишить ее самобытности, что опять же актуализирует задачу дальнейшего выявления специфики отечественного менталитета как культурного капитала и ресурса национального развития в изменившихся исторических условиях.

Потенциал ментального кода российской культуры в эпоху постмодерна

Восстановление ментального кода российской культуры должно учесть ошибки прошлого, но и сохранить преемственность с ее опытом, показавшим свою значимость и

обеспечивавшим ее активную роль в мировой истории. Новая конструкция должна не порождать «равнодушие, возведенное в ранг идеологии и философии», к которому призывает как к третьей спасительной силе Кондаков, и не сводиться к тиражированию массовой культуры, засилие которой ведет к примитивизации и деградации смыслового пространства отечественной культуры в целом. Решение обозначенной задачи может быть предпринято путем воссоздания на прежней трехчастной основе новой ментальной конструкции, которую следует обозначить в формуле «духовность – демократическая государственность – гражданское единство».

Духовность, как пишет П.С. Гуревич, выражает «способность человека переживать возвышенные чувства, восхищаться глубиной и мощью человеческой мысли, испытывать любовь к Родине, дерзать, творить и воплощать в жизнь свои идеалы» [1, с. 4]. Исчезновение данной черты из структуры ментального кода российской культуры несет опасность не только ее опустошения, но и выхода с исторической сцены. Духовность становится трамплином развития творческих сил и способностей человека, поэтому ее возвращение необходимо начинать с ранних лет его становления и развития [7].

Суть духовности в ее российской версии – в самоотверженном служении гуманным идеалам, готовности видеть в защите общечеловеческих интересов личное призвание, совмещении сокровищ нравственности, озарений религиозной веры, порывов творческого вдохновения, открытий научной мысли. Именно духовность, зарождаясь в глубине самосознания российской культуры, способна вновь поднять ее на вершину мирового развития.

Духовность не только развивает софийную традицию, но и соединяется с идейностью, неся на своем острие мысль о гармоничном будущем человечества, построение которого возможно на основаниях диалога и взаимопонимания. В силу того, что духовность является источником нравственности, в ней высвечивается непреходящая ценность *свободы*, выражающейся в независимом волеизъявлении субъектов культуры, их способности уважать честь и достоинство других субъектов в мировом пространстве.

Свобода нерасторжимо связана с идеей и принципами институционализации *демократической государственности*. Ментальная черта, выражающая потребность общества в сильной государственной власти всегда становилась важным фактором консолидации национальных сил и обеспечивала сохранность российской культуры. Отмечая данную особенность отечественного менталитета, М.Н. Громов заявил: «Идея государственного единства как вынужденного способа самосохранения на огромном евразийском пространстве является одной из важнейших в национальном самосознании россиян» [2, с. 23].

В ментальной установке, нацеленной на восстановление сильного государства, содержится глубокая связь с идеями соборности и партийности. При этом современная реабилитация и реализация данной идеи строится на понимании того, что основой легитимизации власти должен быть не догмат идеологизированной веры, но кодекс чести, при этом рычаги государственного управления должны приводиться в действие не по прихоти и произволу, но в соответствии с требованиями права, защищающего ценности *справедливости*, равной для всего общества *законности*, политического *порядка*. Только в этом случае демократическая государственность станет не только идеальным проектом, но и проводником нравственной воли и организатором созидательной энергии социума.

Создание такого образования требует усилий всего общества, поэтому важнейшей чертой ментального кода российской культуры должно стать осознание *гражданского единства*. Его суть – в сплочении субъектов российской культуры, воссоздании в качестве базовой ценности *национального согласия*, позволяющего в полной мере раскрыть ее

деятельностный потенциал и придать импульс ее развитию в новых исторических условиях. Принятие такой установки является неотъемлемой частью российской идентичности и самосознания, модифицированным выражением ранее обозначенных в нем всеединства и коллективизма.

Указанные ментальные черты и формируемые на их основе ценности органично присущи развитию российской культуры. Ее специфику Е.И. Замараева раскрывает следующим образом: «Исторический путь России определил ее культурное своеобразие, особенности национального менталитета, ценностные основы жизни российского общества. Накоплен уникальный исторический опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур – на этом естественным образом веками строилась российская государственность» [3, с. 98].

Следует заметить, что обозначенный сплав ценностей и структурных компонентов ментального кода российской культуры совмещается с теми признаками постмодерна, которые усматривают в современном мире Д.Р. Гриффин, В. Вельш и др. В частности, Гриффин утверждает, что постмодерн подразумевает новое единство научных, этических, эстетических и религиозных интуиций. [11]. Свое понимание новейшего этапа в развитии культуры предлагает Вельш, который доказывает, что фокус постмодерна в его направленности против тоталитаризма и в отстаивании культурного многообразия. Постмодерн выступает против монополии универсального стиля в культуре и проявлений господства в политике. Вельш считает, что постмодернистский проект культуры плюралистичен, и в этом его непреходящая ценность [12].

В данном контексте ментальная структура российской культуры оказывается весьма актуальной, становясь ресурсом ее дальнейшего развития. В ней исторически приходили к гармоничному единству различные (научные, художественные, религиозные) способы обретения опыта; наблюдается неуклонное стремление к преодолению диктата и установлению идейно-политического плюрализма; укрепляется воля к построению диалога с другими участниками мирового культурного процесса на основе толерантности, взаимопонимания и взаимоуважения.

Встраиваемое в прежнюю структуру ментального кода российской культуры устойчивое стремление к духовности, демократической государственности и национальному единству утверждает в качестве приоритетных ценностей свободу, справедливость, национальное согласие. Именно эти ценности и ментальные черты, становясь капиталом и ресурсом дальнейшего развития российской культуры, способны сохранить ее уникальность в глобальном мире и обеспечить ей достойное будущее в условиях постмодерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, П.С. Из чего складывается духовная культура общества? / П.С. Гуревич // *Философия и культура*. 2012. №5. С. 3-5.
2. Единство мира и многообразие культур (материалы круглого стола) // *Вопросы философии*. 2011. №9. С. 3-33.
3. Замараева, Е.И. Развитие культурной политик России на постсоветском пространстве в аспекте евразийской концепции / Е.И. Замараева // *Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: сборник материалов Культурного форума регионов России (Якутия – Москва, 25 сентября 2015 года)* / Сост., общ. ред. Астафьевой О.Н., Коротеевой О.В. – М.: ИП Лядов К.В., 2015. – С. 92-99.
4. Кондаков, И.В. Русская культура: краткий очерк истории и теории / И.В. Кондаков. – М.: Высшая школа, 2007. – 388 с.
5. Лотман, Ю.М. Семиотика и типология культуры / Ю.М. Лотман // *Лотман Ю.М. История и типология русской культуры*. СПб.: «Искусство – СПб», 2002. С. 22-157.
6. Меняева, М.П. Культура согласия как ориентир и стратегия государственной политики века XXI века / М.П. Меняева, В.С. Невелева // *Культура. Власть. Общество: пути реализации государственной культурной политики: материалы межрегиональной научно-практической конференции* / науч. Ред. и сост. Н.Б. Кириллова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2015. С. 30-32.
7. Мусийчук, М.В. Теоретические и практические аспекты развития креативности школьников: размышления над опытом / М.В. Мусийчук // *Психолого-педагогическое сопровождение дошкольного и общего образования: Монография* / под ред. О.В. Гневэк. – Уфа: Аэтерна, 2015. – С. 65-85.
8. Мяделец А.А. Экономические права человека в России и Европейском сообществе: сравнительный анализ / А.А. Мяделец // *Философские науки*. 1999. №3-4. С. 5-12.
9. Ракитянский, Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии / Н.М. Ракитянский // *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*. 2011. №6. С. 89-102.
10. Скоробогатько, А.В. Общественные идеалы в духовной жизни общества / А.В. Скоробогатько // *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. Том 199. Публичная политика в социальном пространстве культуры и образования: формирование, развитие / М-во культуры РФ, С-Петербург. Гос. университет культуры и искусств; под общ. ред. А.С. Тургаева и др. – СПб: Изд-во СПбГУКИ, 2013. С. 147-153.
11. Griffin, D.R. *The Reenchantment of Science* / D.R. Griffin. – N.Y., 1988. – 328 p.
12. Welsch, W. *Postmoderne – Pluralität als ethischer und politischer Wert* / W. Welsch. – Köln, 1988. – 412 s.

Amel'chenko Svetlana Nikolaevna

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, Magnitogorsk
Institute of Economics and management
E-mail: sveta-amelchenko@yandex.ru

Mental value as a resource for the development of Russian culture in the postmodern era

Abstract. The entry of the Russian culture in the late twentieth century, in the postmodern era is aligned with its transition into the post-Soviet phase of development and co-devaluation was accompanied by the previously established values and growth crisis-phenomena. The condition for the restoration of the Russian culture Lotman, Kondakov and others considered recoding her mentality and take as a model Western mental structure. Meanwhile, the implementation of the given projection would be prejudicial to the uniqueness of the Russian culture, to launch the mechanisms of its primitivism. The solution of this problem, detailed study of the structure of the mental code of Russian culture and values arising in it as a resource for its further successful development of us-in the postmodern era.

Keywords: Russian culture; mentality; values; cultural capital; resource development; post-modern globalization

REFERENCES

1. Gurevich P.S. (2012). What is the spiritual culture of society? *Philosophy and Culture*, 5, pp. 3-5. (in Russia).
2. (2011). Unity of the world and the diversity of cultures (materials of the round table). *Questions of philosophy*, 9, pp. 3-33. (in Russia).
3. Zamaraeva E.I. (2015). Razvitie kul'turnoj politik Rossii na postsovetском prostranstve v aspekte evrazijskoj koncepcii. [*The development of Russia's cultural policy in the post-Soviet space in the aspect of the Eurasian concept.*] Moscow: Individual entrepreneur Lyadov K.V., pp. 92-99.
4. Kondakov I.V. (2007). Russkaya kul'tura: kratkij ocherk istorii i teorii. [*Russian culture: a short sketch of history and theory.*] Moscow: high school, p. 388.
5. Lotman Yu.M. (2002). Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury. Semiotika i tipologiya kul'tury. [*History and typology of Russian culture. Semiotics and typology of culture.*] Saint Petersburg: "Art - SPB", pp. 22-157.
6. Menyaeva M.P., Neveleva V.S. (2015). Kul'tura soglasiya kak orientir i strategiya gosudarstvennoj politiki veka XXI veka. [*The culture of harmony as a landmark and strategy of state policy of the XXI century century.*] Ekaterinburg: Publishing house Ural. University, pp. 30-32.
7. Musijchuk M.V. (2015). Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya kreativnosti shkol'nikov: razmyshleniya nad opytom. Ed. by O.V. Gnevjek [*Theoretical and practical aspects of development of creativity of schoolchildren: reflection on experience.*] Ufa: Aeterna, pp. 65-85.
8. Mjadelec A.A. (1999). Economic human rights in Russia and the European Community: a comparative analysis. *Philosophical sciences*, 3-4, pp. 5-12. (in Russia).
9. Rakitjanskij N.M. (2011). Concepts of consciousness and mentality in the context of political psychology. *Bulletin of Moscow University*, 6, pp. 89-102. (in Russia).
10. Skorobogat'ko A.V. (2013). Obshhestvennye idealy v duhovnoj zhizni obshhestva. [*Social ideals in the spiritual life of society.*] Saint Petersburg: Publishing house SPbGUKI, pp. 147-153.
11. Griffin D.R. (1988). *The Reenchantment of Science*. New York, p. 328.
12. Welsch W. (1988). *Postmoderne – Pluralitat als ethischer und politischer Wert*. Köln, p. 412.